

Подписывайтесь на наши
социальные сети,
если готовы к серьезному
разговору об актуальных
философских трендах

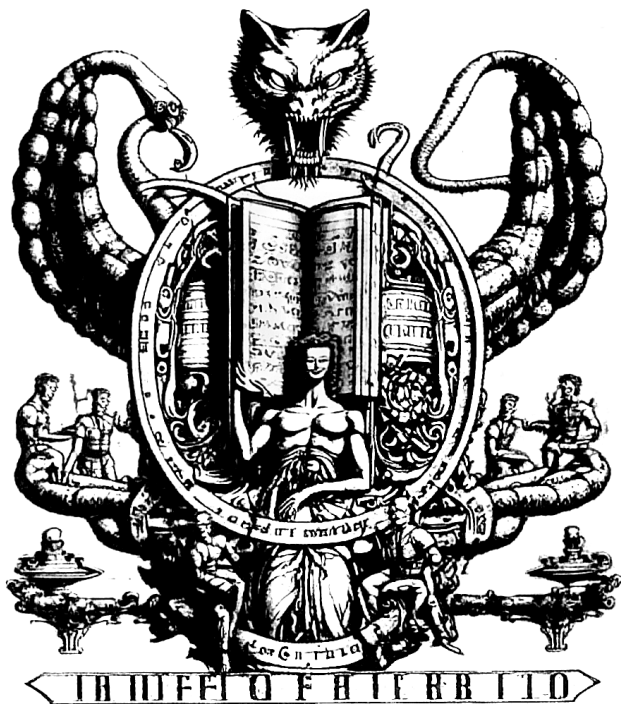

Главное же, как ни раскидывай, а все-таки выходит, что всегда я первый во всем виноват выхожу и, что всего обиднее, без вины виноват и, так сказать, по законам природы.

(Достоевский [1864] 1973, 103)

Георгий Чернавин

ПОДОБИЕ СОВЕСТИ

Издательство АСТ
Москва
2023

УДК 17
ББК 87.7
Ч-49

Георгий Игоревич Чернавин,
PhD, профессор, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Научные рецензенты:

д.фил.н. В. П. Руднев

д.ф.н. А. Э. Савин

д.ф.н. А. В. Ямпольская

Главы «Этическое эпохэ» и «Круглый стол» подготовлены
при поддержке Российского научного фонда,
проект №23-18-00802 «Мир, язык, реальность:
европейская и русская философия в концептуальном
и терминологическом измерении».

Чернавин, Георгий Игоревич.

Ч-49 Подobie совести / Г. И. Чернавин. — Москва :
Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (*Покетбук:
Интеллектуальная литература*).

ISBN 978-5-17-161445-4

Монография посвящена феномену «подобия совести»: совести ложной и/или заблуждающейся. На материале художественной литературы (Достоевский, Толстой, Шкловский, Сорокин), а также историко-философском материале (с опорой на средневековые типологии совести, а также на разработки этой темы у Гуссерля, Хайдеггера, Сартра, Колнаи) предлагается феноменологическое описание искаженных форм этического опыта. Исследование сопровождается дискуссией с современными российскими философами.

УДК 17
ББК 87.7

© Г. И. Чернавин, 2023
ISBN 978-5-17-161445-4 © Оформление ООО «Издательство АСТ», 2023

Содержание

Предуведомление. Ψ -совесть, Ψ -вина и Ψ -долг . . .	7
Ψ-совесть.	11
толстой–4 как моралист.	12
А-совесть и Б-совесть	25
Сталинская ласка	41
От двух до пятнадцати	51
Одна совесть, одна вина, один долг	62
Тавтология питается верой	69
Символическое учреждение совести.	79
Ψ-вина	85
Тривиальные наблюдения (Гуссерль)	86
По определению виновен (Хайдеггер).	90
Символическое злоключение (Ришир).	94
Водяное колесо вины.	103
Приостановить тезис Достоевского	119
Этическое эпохэ: пустое мнение и раскол Я	127
Ψ-долг	135
Парализующий компас	136
У Злого Гения есть план на твою жизнь.	146

Двойная слепая этика и первостепенный долг	155
То, что я должен сказать	168
Заблуждающаяся Ψ -совесть обязывает	185
Итог	201
Круглый стол	207
Беседа для подкаста	247
Комментарий к иллюстрациям	262
Литература	265
Примечания	279

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Ψ-совесть, Ψ-вина и Ψ-долг

Теория, которая сбивает человека с толку настолько, что он больше не понимает голос совести — это печальная теория.

(Husserl [1914] 1988, 24)¹

Один из первых рецензентов книги о мнениях троллей (Чернавин 2021) выдвинул справедливый упрек в том, что в тексте почти ни разу не упоминается совесть, а «единственный грех», против которого направлена предписанная в нем философская аскеза это д_о_в_о_я_щ_и_и_е_с_я_ мысли; но «ведь сущностная двусмысленность, присущая самому понятию совести, которая обращается ко мне моим и в то же время не вполне моим голосом, оказывается структурно неотличима от у_д_в_о_е_н_и_я_ мыслей» (Ямпольская 2021, 291). По стечению обстоятельств примерно в это же время меня совершенно захватила проблематика «нечистой совести» и «вины», и неожиданно для себя я обнаружил себя посреди книги о паразитарных формах совести. При этом со словами «упрек», «грех» и «предписание» произошла странная вещь — своеобразная реализация метафоры, при которой они стали для

меня проблемой в своем прямом, буквальном смысле, в обход переносного. Возражение касалось того, что единственный «грех», стоящий в центре книги о троллях, — это неподлинность (мнений, убеждений, недобросовестной веры). Вместо того, чтобы искать и другие «грехи» помимо неподлинности, я (подтверждая справедливость упрека) скорее тяготел к тому, чтобы искать неподлинные формы «вины». Меня увлекли не столько сами совесть, вина и долг, сколько их выхолощенные подобию: конъюнктурная *совесть*^Ψ, невротическая *вина*^Ψ и выморочный *долг*^Ψ.

Читатели книги о троллях по-разному оценили эксперименты на уровне способов написания, в диапазоне от «системы условных знаков, с помощью которых производятся процедуры над мнениями, наподобие логических операндов, но только еще более изощренных, на зависть любым философам-логикам прошлого» (Марков 2021, 254) до того, что «сам способ выделения особых терминов (курсив, астериск) совсем не невинен; как если бы возможно было избежать многозначности слов, фиксируя какой-то их специальный смысл, для которого сгодятся и явно малоудачные слова» (Маяцкий 2021, 252). В этой книге я решил ограничиться одним оператором — индексом^Ψ 2. В тексте я буду обозначать этический опыт, проходящий под знаком подобию совести (псевдо-совести, Ψ-совести), *курсивом* и индексом^Ψ. При таком написании «я виноват» (внутренний голос, вероятно, моя совесть, говорит мне, что я виноват) и *я виноват*^Ψ (подобие совести говорит мне, что я виноват) значат разные вещи.

Меня прежде всего интересует негарантированность различия «совести» и *совести*^Ψ, а именно то,

что «совесть» в любой момент может обернуться *совестью*^У. Носитель того или другого, отдающий себе отчет в том, что он носитель того или другого, может не столько окончательно укорениться на территории «совести», сколько научиться жить под угрозой *совестности*^У. Различие, которое я провожу — это не различие между подлинным и неподлинным, а скорее различие между «предположительно подлинным» и *явной подделкой*^У. Заключенное в кавычки всегда может обернуться подобием.

Можно задать такой способ выражения, что эта проблема, в принципе, не возникнет, например, говорить о: а) совести, «основанной на проживании», и б) «навязанной» совести, или об: а) «основанном на опыте», и б) «почерпнутом извне». Трудность здесь в следующем: навязанное как раз и претендует на то, что оно основано на «проживании»; почерпнутое извне успешно внедряется в форме «личного опыта». При этом сам способ говорить помещает нас в привилегированное положение проживающего, испытывающего на опыте: у нас есть эксклюзивные данные, ведь никто не наблюдал за нами «изнутри» скрупулезнее, чем мы сами. Но, как сказал классик: «Я не эксперт по собственной боли и не наблюдаю ее с чертовски (*angelically*) выгодной позиции; я — просто человек, испытывающий боль и говорящий, что это так» (Райл [1958] 2006, 88). Положение единственного в своем роде эксперта по самому себе чревато злоупотреблением. Здесь недостаточно привычки к самоанализу и принципа доверия себе, так как ничто не мешает им выстроиться в форме самоподтверждающего, самоподдерживающего самообмана. При этом такой способ выражения («основанное на прожива-

нии» против «навязанного») избавляет от необходимости ставить вопрос о *совести*^У, *вине*^У и *долге*^У, да, по сути, и лишает такой возможности, поскольку интересующие меня феномены становятся невидны.

Классическая феноменология действовала на территории теории познания и приостанавливала полагание «действительности». В этой книге я работаю сходным образом, приостанавливая полагание этической «подлинности». При этом моя цель не скептический релятивизм или моральный нигилизм; я хочу удержать совесть от догматического застывания в самоуверенной «подлинности». Мой тезис касается не отсутствия надежного ориентира, а несомненного этического опыта ненадежных ориентиров, касается доксы, обитающей в нашей совести. Задача — не дискредитировать совесть, а продемонстрировать идущий к ней в нагрузку кредит доверия.

Рауту — Реутов, 2020–2023

Ψ-СОВЕСТЬ

толстой-4 как моралист

<https://youtu.be/I0sZs3qg9-o> ³

В качестве отправной точки предлагаю взять дилемму неразличимости совести и *как бы совести*^Ч из рассказа Владимира Сорокина «толстой-4»:

Чем проснувшийся человек отличается от как бы проснувшегося? Проснувшийся, то есть разбудивший свою совесть раз и навсегда, стряхнувший с себя зло равнодушия к жизни других людей в виде крепко и сильно приставшей к телу коросты, которая, как скорлупа или панцирь, стягивает совесть каждого современного человека, живущего в современном обществе, основанном на узаконенном угнетении одних людей, слабых и бедных, другими людьми, сильными и богатыми, этот проснувшийся человек любой свой поступок или проступок будет сверять со своей новой, молодой, пробудившейся ото сна совестью. Человек же как бы проснувшийся будет по-прежнему сверять свои поступки не с совестью, а с формой коросты общественно узаконенной лжи, приставшей к его совести, продолжая по-прежнему лстыть самому себе. (Сорокин [1999] 2017, 134–135)

В первую очередь стоит обратить внимание на тавтологии: «проснувшийся, то есть разбудивший свою совесть», «совесть каждого современного человека, живущего в современном обществе»; «проснувшийся человек любой свой поступок сверяет со своей пробудившейся ото сна совестью», а «человек как бы проснувшийся сверяет свои поступки не с совестью». Как у классика: «народные композиторы» пишут «реалистическую музыку», а «антинародные композиторы» — «музыку формалистическую», потому что они «не могут не писать» соответственно «реалистическую» и «формалистическую» музыку (Шостакович [1948, 1968] 1993, 95). Сходным образом «проснувшийся человек сверяет поступок с пробудившейся совестью», а «человек как бы проснувшийся сверяет свои поступки не с совестью».

Проблема здесь прежде всего в неразличимости «проснувшегося» и *как бы проснувшегося*Ψ. Как будет ощущать свою совесть человек *как бы проснувшийся*Ψ? Можно ли продемонстрировать *как бы проснувшегося*Ψ, что он не проснулся до конца и, соответственно, что совесть его — это *форма коросты общественно узаконенной лжи*Ψ, а не совесть? Этическая сомнамбула, ощущает в себе *внутреннюю жизнь*Ψ, *этические дилеммы*Ψ, у нее не «темно внутри», и тем не менее она будет действовать не по совести.

Теперь приведу фрагмент из самого позднего произведения Льва Толстого («Путь жизни»), который озаглавлен «Совесть — голос души» и предвосхищает многие мотивы толстого-4:

1. В каждом человеке живут два человека: один слепой, телесный, а другой зрячий, духовный.

Один — слепой человек — ест, пьет, работает, отдыхает, плодится и делает все это, как заведенные часы. Другой — зрячий, духовный человек — сам ничего не делает, а только одобряет или не одобряет то, что делает слепой, животный человек. | Зрячую, духовную часть человека называют совестью. Эта духовная часть человека, совесть, действует так же, как стрелка компаса. Стрелка компаса двигается с места только тогда, когда тот, кто несет ее, сходит с того пути, который она показывает. То же и с совестью: она молчит, пока человек делает то, что должно. Но стоит человеку сойти с настоящего пути, и совесть показывает человеку, куда и насколько он сбился.

2. Когда мы слышим про то, что человек сделал что-нибудь дурное, мы говорим: совести у него нет. | Что же такое совесть? | Совесть это голос того единого духовного существа, которое живет во всех.

3. Совесть — это сознание того духовного существа, которое живет во всех людях. И только тогда, когда она такое сознание, она верный руководитель жизни людей. А то часто люди считают за совесть не сознание этого духовного существа, а то, что считается хорошим или дурным теми людьми, с которыми они живут. (Толстой [1910] 1956, 37–38)

«Зрячий, духовный» человек и человек *слепой, телесный*^У, судя по всему, — непосредственные предшественники сорокинских «проснувшегося» человека и человека *как бы проснувшегося*^У, с поправкой на пародийный гурджиевизм последнего (особенно заметный в «Ледяной трилогии»).

Также Толстой проводит различие между совестью как «сознанием того духовного существа, которое жи-

вет во всех людях» и *тем, что часто люди считают за совесть*^Ψ и что представляет собой *не сознание этого духовного существа, а то, что считается хорошим или дурным теми людьми, с которыми они живут*^Ψ. Основная трудность здесь касается того, что те люди, с которыми мы живем, могут называть «сознанием того духовного существа, которое живет во всех людях» то, что считается хорошим и дурным вокруг них. То есть легко можно представить ситуацию, в которой *не сознание духовного существа, а то, что считается хорошим или дурным теми людьми*^Ψ, считалось бы *сознанием духовного существа*^Ψ. По крайней мере, неясно, как избавиться от мучительного беспокойства: слышим ли мы «голос того единого духовного существа, которое живет во всех», или *то, что считается хорошим или дурным теми людьми, с которыми мы живем*^Ψ? Мы прислушиваемся к «голосу» совести, но не понимаем, к чему именно мы прислушиваемся. (Не понимаем, в каком именно регистре: символическом или феноменологическом — звучит этот «голос».)⁴ Совершенно неясно, «живет» ли в этот момент в нас единое духовное существо, или в нас «живут» те люди, с которыми мы живем.

Толстой пишет: «В каждом человеке живут два человека»; мне кажется, проблема в том, что в каждом из этих двоих могут жить как минимум еще двое. То есть, в терминологии пункта-1 толстовского рассуждения, «зрячий, духовный» человек распадается на *слепо-телесного зрячего духовного*^Ψ и *зряче-духовного зрячего духовного*. (В терминологии пункта-3 «сознание единого духовного существа» распадается на то, что считается *сознанием духовного существа*^Ψ, и само «сознание духовного существа».) Не ясно, как остановить этот регресс.